

О некоторых аспектах взаимоотношений Карагандинского обкома компартии и высших учебных заведений региона в 1940-х и начале 1950-х годов (история в архивных документах)

About some aspects of mutual relations between Karaganda region committee of communist party and regional higher education institutes in 1940s and early 1950s (history in archive documents)

Капышев А.К.

Кокиетауский университет им. А.Мырзахметова (E-mail: ardak.mo@vambler.ru)

1940-шы мен 1950-жылдар басындағы аймақтық биліктің (Қарағанды облыстық комитет компартиясы негізінде) Қарағандының жоғары оқу орындарымен байланыстарының нәтижелері мұрағат құжаттары негізінде талданады. Белгілі кезеңде жоғары оқу орындарында аймақтық саясат билігі қадағалауында болған, қудаланған, репрессивті немесе «әлеуметтік сәйкес емес» оқытушылар қызмет еткен. Мақаланың орталық идеясы қудаланған ғалымдар соңынан облыстық комитет компартиясы тарапынан әрдайым қадағалау жүргізілгені жөнінде болып отыр. Біздің көзқарасымыз бойынша, бұл жағдай Қарағанды және оның аймақтық билігіндегі ерекшеліктердің бірі болған.

On the basis of archives' documents the relationships of regional authorities (in the name of Karaganda regional committee of the Communist party) with Karaganda higher educational institutions during 1940-s to the beginning of 1950-s have been analyzed. In the given period in a number of higher institutions (Karaganda pedagogical institute, Karaganda medical institute) worked the exiled, the repressed and by the origin «socially neglected» teachers who were under supervision of regional and political authorities. The central idea of the article is to show that the exiled scientists were under permanent control by regional committee of the Communist party. However, the «organizational summaries» were not done as well. In our opinion we consider it the most characteristic feature of Karaganda and regional Karaganda authorities.

В 1940-е гг. в поле зрения региональной власти (в данном случае Карагандинского обкома коммунистической партии) постоянно находился персональный профессорско-преподавательский состав всех средних специальных и высших учебных заведений. Особое внимание при этом уделялось ссыльным и репрессированным преподавателям, работающим в регионе. Так, под грифом «секретно» в справке о работе Карагандинского учительского института за 1946 г. отмечалось, что «9 вакантных доцентских ставок замещаются старшими преподавателями. Среди преподавателей есть 5 человек административно высланных из центральных городов». В справке приводится подробный список:

1. Рах И.Л. — немец, выслан из г. Баку в 1941 году, где работал заведующим кафедрой в АзерГУ;
2. Реттер Э.И. — немец, выслан из г. Москвы в 1941 году, где заведовал лабораторией ЦАГИ;
3. Вертер-Ретц Я.Ф. — немка, выслана из Днепропетровска в 1941 году, где заведовала кафедрой иностранных языков в ДнепрГУ;
4. Крамм Т.Я. — немка, выслана из Ленинграда в 1941 году, где работала преподавателем иностранных языков в ЛенПИ;
5. Верховоломов Д.Ф. — выслан из Сталинграда, где работал преподавателем математики в педвузе;
6. Романовский В.А. — историк, имеет судимость 5 лет, которую отбывал в Карагандинском Лагере МВД».

В этом же списке перечислялись некоторые другие преподаватели Учительского института, которых, по мнению Карагандинского обкома партии, следует заменить как не соответствующих своему назначению [1].

Следует отметить, что названные выше ссыльные и репрессированные научно-педагогические работники составляли основное ядро преподавателей Карагандинского учительского института. И, несмотря на «внимание» обкома, из которого вытекала политическая целесообразность их замены, они продолжали работать. То есть, с одной стороны, региональные власти должны были принять к неблагонадежным преподавателям соответствующие строгие меры, но, с другой — в силу отсутствия иных учёных в регионе, региональные власти вынуждены были оставить на работе в Караганде ссыльных и репрессированных учёных, по существу, прикрывая их.

На протяжении 1940-х гг. единственными кандидатами наук в Учительском институте (как и во всём Центрально-Казахстанском регионе) были трое заведующих кафедрами — В.А.Романовский, И.Л.Рах, Э.И.Реттер, внесшие большой вклад в развитие института. Позже, в начале 1950-х гг., эти преподаватели в разные годы покинули Караганду, а И.Л.Рах был снят с работы 12 декабря 1953 г. с формулировкой, по документам партийного архива, «за моральное разложение» [2]. Однако подробности его персонального дела в документах отсутствуют.

Ссылные преподаватели работали не только в Карагандинском учительском институте, но и в Карагандинском горном техникуме. В 1947 г., также под грифом «секретно», было принято постановление бюро Карагандинского горкома КП(б)К «О состоянии учебно-воспитательной работы в Карагандинском горном техникуме». В нём указывалось, что преподавательский состав техникума недостаточно занимается воспитательной работой. Недостатки в работе Горного техникума бюро объясняло «значительной засоренностью преподавательского состава техникума случайными людьми», где «из 36-ти штатных преподавателей 17 человек, или 47,2 %, составляют немцы и разные репрессированные люди, из 13 административно-управленческих работников — 9 человек немцев, выходцев из мест заключения и других подвергавшихся репрессиям» [3].

Ответственность за допущенную «засоренность» состава преподавателей и административно-технического персонала городские власти возложили на директора Горного техникума Г.Е.Иванченко, обвинив его в грубом нарушении сталинских принципов подбора кадров. При этом в постановлении бюро Горкома компартии также отмечалось неудовлетворительное состояние подготовки в техникуме национальных кадров: «За последние 6 лет подготовлено только лишь 4 техника-казаха, что составляет 2 % к общему количеству выпущенных».

В итоге бюро Горкома КП(б)К постановило: «а) пересмотреть весь состав преподавателей и административно-технических работников, и лиц, не заслуживающих доверия, заменить проверенными, политически благонадежными, работоспособными людьми» [4]. Однако, как и в случае с Учительским институтом, ссылные и репрессированные преподаватели Горного техникума не были уволены и продолжили свою работу в Караганде.

Как видим, в указанный период в высшей школе Караганды работали немало ссылных, репрессированных преподавателей. Следует отметить, что тоталитарный режим 1930-х — первой половины 1950-х гг. характеризовался не только массовыми репрессиями, но и распространением различных форм клеветы, доноительства на своих коллег по работе, слежкой властей.

В результате архивных разысканий у нас есть возможность привести материалы, характеризующие данные проявления тоталитарного режима в региональном масштабе. Так, в 1953 г. на имя секретаря Карагандинского Обкома компартии С.Я.Яковлева поступила докладная записка заведующей отделом школ и вузов обкома партии М.Гришиной, в которой изложена информация о связи преподавателей Карагандинского педагогического института (КарПИ) А.Айтжанова, К.Жолумбетова, К.Тунгушбаева, Ф.Кенжебаевой (как определено в этом документе) с «буржуазным националистом» Х.Д.Джумалиевым [4]. Как будет показано далее, это были разные люди, и вели они себя впоследствии по-разному.

В докладной записке указывается, что в Обком компартии поступили различные сигналы по поводу общения преподавателей КарПИ с «врагом народа» Х.Д.Джумалиевым. Отделом школ и вузов обкома была организована проверка. По ее результатам в записке приводятся факты встреч названных выше преподавателей с Х.Д.Джумалиевым. Также отмечается, что секретарь парторганизации КарПИ Ф.Кенжебаева «не только не реагировала соответствующим образом на факты тесного общения коммунистов с буржуазным националистом Жумалиевым, но и сама встречалась с ним».

Один из преподавателей А.Айтжанов, который пригласил Х.Джумалиева к себе в гости, объяснил причину данной встречи тем, что «ставил перед собой задачу изучить Джумалиева». Однако такое объяснение не устроило отдел школ и вузов, по мнению авторов записки, «в такой задаче не было никакой необходимости, так как Джумалиеву и его деятельности была дана политическая оценка в решениях 8 Пленума ЦК КПК и 5 съезда КП Казахстана».

В записке отдела школ и вузов особо выделен преподаватель КарПИ К.Тунгушбаев, который «проявил особое внимание к Джумалиеву, как своему бывшему учителю, и летом 1952 года обеспечил его в своей семье питанием». В заключение отмечалось, что факты тесного общения преподавателей пединститута с Х.Д.Джумалиевым являются следствием «притупления политической бдительности», и поэтому предлагалось «обсудить поведение преподавателей Айтжанова, Жолумбетова, Тунгушбаева и секретаря парторганизации Кенжебаевой на партийном собрании института» [4].

Каких-то тяжелых последствий данная записка отдела школ и вузов не имела. Фигурирующие в ней преподаватели получили выговоры, а Ф.Кенжебаева была освобождена от обязанностей секретаря партийной организации Пединститута. Однако на этом история не закончилась и получила продолжение благодаря доносительской «активности» одного из тех, кто получил выговор.

В 1953 г. в Карагандинский обком компартии поступило заявление от заведующего кафедрой основ марксизма-ленинизма КарПИ А.Айтжанова (того самого, который годом раньше обосновывал свои встречи с Х.Д.Джумалиевым желанием его «изучить»). В заявлении А.Айтжанова указывается, что в институте имеются коллеги с «кулацко-байским происхождением». Также автор жаловался на директора института С.Б.Баймурзина, который не интересуется научно-исследовательской работой и, якобы, незаконно уволил некоторых преподавателей за критику. А.Айтжанов в своем заявлении просил Карагандинский обком партии разобраться и принять строгие меры [5].

Заявление А.Айтжанова затрагивало значительную часть преподавательского состава КарПИ, поэтому была организована комиссия в составе инструктора отдела школ и вузов ЦК КП Казахстана Б.Наурызбаева, начальника отдела педвузов и педучилищ Минпроса Казахской ССР А.Айманова и заведующего сектором агитации Карагандинского обкома КП Казахстана А.Архипова. Результаты работы комиссии в виде справки были доложены секретарю ЦК КП Казахстана М.А.Сужикову и секретарю Карагандинского обкома компартии С.Я.Яковлеву.

Текст «Справки о результатах проверки заявления члена КПСС, зав. кафедрой основ марксизма-ленинизма КарПИ т. Айтжанова» является интересным историческим документом, в котором, во-первых, нашли отражение факты и аспекты, обычно не фиксирующиеся в повседневной текущей документации, и, во-вторых, этот материал ярко характеризует взаимоотношения региональной власти и регионального вуза. В справке комиссии отмечается, что КарПИ укомплектован научно-педагогическими кадрами. Однако «среди преподавательского состава действительно имеются лица кулацко-байского происхождения». Далее в справке перечисляется ряд лиц с указанием определенных биографических данных.

Приведем этот фрагмент полностью:

«а) Заместителем директора по учебно-научной части в институте с 1946 года работает Усик В.П. При вступлении в партию свое социальное происхождение скрыл, только в марте 1953 года подал заявление на имя секретаря обкома т. Хафизова А.Х., в котором сообщает, что отец его был крупным кулаком, держал 2 паровые мельницы и выслан в 1935 году в г. Караганду из Кировоградской области.

Заявление Усик В.П. обсуждено на партийном собрании института. Ему объявили выговор с занесением в учетную карточку.

б) Рах И.Л., кандидат педагогических наук, доцент, член КПСС, работает с 1944 года, зав. кафедрой педагогики и психологии, выслан в Карагандинскую область в 1941 году и находится на специальном учете. В настоящее время на него поступили в прокуратуру компрометирующие материалы, достоверность которых проверяется.

в) Жуманиязов А.Ж., член КПСС, старший преподаватель кафедры физики и математики. За скрытие социального происхождения решением бюро обкома партии от 24.04.1951 года ему объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку, который в 1952 году снят.

г) Кенжебаева Ф., член КПСС, зав. кафедрой казахского языка и литературы с 1952 года, родной брат ее в 1942 году арестован органами МВД, о чем она указывает в своей автобиографии от 30.07.1942 года. Кенжебаева Ф. работала секретарем партбюро института с 1952 года, в июне 1953 года решением партсобрания за притупление политической бдительности к врагу народа, буржуазному националисту Жумалиеву, освобождена от обязанностей секретаря парторганизации с объявлением выговора.

д) Жуасов К.Ж., работает заместителем директора по заочному обучению с 1950 года. При вступлении в партию в 1947 году указал, что является сыном пастуха, а в 1953 году подал заявление в Ленинский РК КПК г. Караганды, в котором, ссылаясь на разговоры отдельных знакомых лиц, сообщает об отце как середняке, подвергавшемся раскулачиванию, и просит внести соответствующее изменение в учетную карточку. Заявление т. Жуасова К.Ж. проверяется райкомом партии.

ж) Кельтенов Т., член КПСС, по анкетным данным происходит из семьи крестьянина-бедняка. Установить, что он является сыном ходжи, не удалось. До 1950 года работал заместителем заведующего ОбЛОНО. В мае 1950 года освобожден от занимаемой должности по собственному желанию и направлен обкомом партии в учительский институт, где работает преподавателем математики» [6].

Данные мини-биографии преподавателей КарПИ весьма наглядно характеризуют и время, и политические настроения власти. Ведь шел уже 1953 г., т.е. 36-й год после Октябрьской революции. Однако, как и в 1920-е годы, вновь стал обсуждаться вопрос о социальном происхождении, и преподаватели были вынуждены оправдываться. Но важно не только это. Существенно то, *как власть прореагировала* на эти сведения.

Комиссия также проверила утверждение А.Айтжанова, что все эти названные им лица подобраны С.Б.Баймурзиным по признаку семейственности, приятельских отношений, личной преданности или подхалимства, и пришла к выводу, что для таких определений «нет оснований». В своем заявлении А.Айтжанов также обвиняет старшего преподавателя кафедры педагогики и психологии С.Срымбетова, который преподавал в институте ряд предметов (основы марксизма-ленинизма, историю и методику преподавания истории), не имея законченного высшего образования. По этому поводу комиссия указывает, что С.Срымбетов в 1951 г. заочно закончил исторический факультет КазПИ имени Абая и в настоящее время преподает педагогику.

Далее комиссия отмечает, что в заявлении А.Айтжанова указывается, что «г. Баймурзин не интересуется научно-исследовательской работой преподавателей и тормозит их рост». Однако данное утверждение также не подтвердилось: «Институтом ежегодно ведется работа по сдаче кандидатского минимума и защите диссертации на соискание ученой степени. Так, в 1952 г. сдано 16 и в 1953 г. 6 кандидатских экзаменов, причем товарищи Мамиконян, Жуманиязов, Альжанов, Жолумбетов и Баймурзин закончили сдачу кандидатского минимума, а преподаватель психологии тов. Жерносеков А.К. защитил диссертацию на ученую степень кандидата педагогических наук».

Не подтвердилось заявление А.Айтжанова и в том, что С.Б.Баймурзин увольнял преподавателей за критику. Наконец, комиссией (как указывается в документе) «за женой тов. Баймурзина кулацко-байского происхождения не обнаружено» [7]. Вот таков оказался круг «вопросов», заинтересовавших заведующего кафедрой КарПИ А.Айтжанова, которые вынуждена была проверять комиссия.

В итоге комиссия посчитала необходимым предложить в ЦК КП Казахстана и в Карагандинский обком следующее решение: «1. Укрепить пединститут высококвалифицированными кадрами, освобождаясь от лиц, не внушающих политического доверия. 2. В связи с выяснившимся фактом скрытия своего социального происхождения со стороны заместителя директора по учебно-научной части Усика В.П. и отсутствия у него учёной степени и звания нецелесообразно дальнейшее пребывание его в этой должности» [8].

Таким образом, мы видим, что комиссия в своем партийном расследовании отнюдь не приняла обвинительного уклона, как того можно было ожидать, учитывая политические настроения в стране в начале 50-х годов. Возможно, сыграло свою роль то, что комиссия вела партийное расследование в изменившейся внутренней ситуации в стране — уже после смерти И.В.Сталина. Значительная часть информации, указанной в заявлении А.Айтжанова, не подтвердилась. А то, что подтвердилось, не стало поводом для региональной репрессии против интеллигенции. Следует подчеркнуть, что названные выше преподаватели, чье социальное происхождение не вполне соответствовало политическому стандарту, продолжали работать в институте и в разные годы исполняли обязанности заведующих кафедрами и деканов факультетов (в том числе и В.П.Усик).

Анализируя результаты рассмотрения заявления А.Айтжанова в обком (которое явилось типичным политическим доносом), мы с полным основанием можем сделать вывод, что даже в начале 1950-х гг. (а тем более и в дальнейшем) взаимоотношения между региональной властью (в лице обкома компартии) и региональной высшей школой (в лице конкретных вузов) не были основаны исключительно на политическом произволе и устрашении.

1940-е и 1950-е гг. были непростым временем, внутренняя политика тогда сопровождалась поисками, как известно, то «буржуазных националистов», то «космополитов». Однако во взаимоотношениях между региональной властью и региональными структурами (в том числе и вузами) были свои «правила игры», были свои политико-административные нормы, которые не позволяли доминировать в регионе политическому произволу и которые необходимо было соблюдать.

Не была пассивной региональная власть и в таком деле, как назначение в вузы заведующих кафедрами общественных дисциплин. Из архивных материалов видно, что А.Айтжанов после подачи рассмотренного выше заявления решил перевестись работать в Карагандинский горный институт на аналогичную должность, т.е. на должность заведующего кафедрой основ марксизма-ленинизма. Однако в Карагандинском обкоме компартии в то время, видимо, уже сложилось неоднозначное (пре-

имущественно негативное) мнение о заведующем кафедрой основ марксизма-ленинизма КарПИ А.Айтжанове.

Специфика должностей заведующих кафедрами общественных дисциплин в региональных вузах заключалась в том, что кандидатуры на эти должности утверждались в Обкоме партии (через отдел школ и вузов). И надо отдать должное этому отделу, так как его руководство, в частности зав. отделом М.Гришина, не только определяло региональную вузовскую политику или контролировало учебные заведения, но и интересовалось мнением дирекции вузов по тем или иным вопросам. В данном случае, перед переводом и утверждением на новом месте А.Айтжанова, отдел школ и вузов поинтересовался мнением дирекции Карагандинского горного института. Директор КарГИ Ю.Нурмухамедов высказался против утверждения А.Айтжанова в должности заведующего кафедрой в его институте, ссылаясь на отрицательные отзывы заместителя директора Г.Е.Иванченко и декана горного факультета Кирюхина, которые лично знали А.Айтжанова [9]. Следует отметить, что А.Айтжанов так и не был переведён на работу в КарГИ; в 1954 г. он скончался.

На 1953 г. приходится максимальное число проверок лиц — репрессированных и спецпереселенцев, — работающих в вузах Караганды. Обращалось внимание при этом и на национальный состав преподавателей. Так, секретарю Карагандинского обкома КПК С.Я.Яковлеву поступила справка «О результатах проверки Карагандинского медицинского института». В ней отмечается, что «среди профессорско-преподавательского и лаборантского состава казахов всего 8 % (9 человек из 114)». А «из 25 заведующих кафедрами института только 1 казах (кафедра химии). На профилирующих кафедрах нет ни одного заведующего кафедрой из числа казахов. В числе кандидатов наук насчитываются 16 человек, казахов — 2» [10]. Ситуация с наличием и расстановкой национальных кадров в Мединституте расценивалась Обкомом компартии как неудовлетворительная.

В документе также указывалось, что в Медицинском институте имеются лица, не внушающие политического доверия — «это спецпереселенцы, лица, имевшие связь с еврейскими националистами и социально чуждого происхождения». «Особенно неблагоприятно в этом отношении, — отмечается в справке, — в клинических базах института» [11]. В справке обкома называются некоторые имена и обстоятельства. Так, например, указывается, что Минздрав СССР направил в Карагандинский медицинский институт из Днепропетровского мединститута в качестве заведующего кафедрой «некоего разоблаченного космополита, вейсманиста и рвача Тростонецкого», который после выступления в газете «Правда» от 26 марта 1951 г. был освобожден от работы в Карагандинском мединституте. Таким же образом, отмечается в справке, направлены в КарМИ и работают в должностях заведующих кафедрами «профессор Хволис (из Москвы), известный штерманец, антипавловец, и профессор Лазарис (из Горького), замешанный в связях с еврейскими националистами».

Кафедра физики в КарМИ, по мнению авторов справки, доверена «политически сомнительному лицу, доценту Реттеру — ссыльному немцу, ранее освобожденному от работы в Карагандинском горном техникуме, как не внушающему политического доверия». На преподавательской работе в Мединституте также находится «некая Дыко, жена немца, бывшая дворянка, освобожденная ранее от работы в Карагандинском горном техникуме, как не внушающая делового и политического доверия». «Сына расстрелянного врага народа — Агголь», указано в справке, директор КарМИ П.М.Поспелов принял на работу в институт ассистентом «по личной просьбе одного из бывших работников Минздрава» [12].

Таким образом, за ссыльными учёными велся со стороны Обкома компартии постоянный контроль. Однако «оргвыводы» отсюда делались далеко не всегда. В этом, на наш взгляд, была одна из наиболее характерных особенностей и Караганды, и региональной карагандинской власти. Само наличие ссыльных ученых и педагогов, что было бы чрезвычайным где-нибудь в другом месте (например, в западных регионах СССР), здесь воспринималось властью по-другому — более естественно и использовалось в интересах образовательного и интеллектуального развития региона.

Следует отметить, что некоторые из названных лиц, в частности, профессора Хволис и Лазарис, в 1950–1960-е гг. продолжали благополучно работать в Карагандинском мединституте и создали здесь, в Караганде, свои научные школы. То есть, несмотря на то, что ссыльные и «неблагонадежные» лица из КарМИ и других вузов находились на учёте в правоохранительных органах и на политическом контроле Обкома партии, значительная часть их впоследствии долго и в целом беспрепятственно работала в карагандинских вузах. Таковы были основные аспекты взаимоотношений региональной власти и региональных вузов по кадровым вопросам.

Таким образом, в рассматриваемый период региональная власть в лице Карагандинского обкома партии в отношении высших учебных заведений не ограничивалась только общим политическим руководством и политическим контролем. В реальности, несмотря на наличие вертикальных ведомственных управленческих структур (министерства в Алма-Ате и Москве и соответствующие управления в регионе), региональная власть осуществляла именно политико-административные функции. По существу, на уровне региона Обком компартии был не только контрольной политической структурой, а реальной административно-управленческой структурой, концентрирующей и реализующей интересы региона.

В структуре Областного комитета компартии в этот период (с 1936 г.) существует специальный отдел по работе с образовательными учреждениями региона — отдел школ и вузов. С одной стороны, данный отдел осуществлял контрольные, надзорные, цензорские функции, что ограничивало саморазвитие учебных заведений, препятствовало академической свободе. Но, с другой стороны, именно региональные власти были заинтересованы в успешном развитии учебных заведений, так как они рассматривали их с точки зрения целостного (комплексного) социально-экономического, социально-культурного, образовательного развития своего региона.

References

1. Party Archives of the Karaganda region (further — PAKR). PAKR. F.1. L.1. D.666. — L.58–59.
2. PAKR. — F.1. L.7. D.428. — L.6.
3. PAKR. — F.1. L.2. D.827. — L.166.
4. PAKR. — F.1. L.7. D.354. — L.217.
5. PAKR. — F.1. L.7. D.349. — L.1–2.
6. PAKR. — F.1. L.7. D.349. — L.3–5.
7. PAKR. — F.1. L.7. D.349. — L.5–7.
8. PAKR. — F.1. L.7. D.354. — L.217.
9. PAKR. — F.1. L.7. D.349. — L.1–2.
10. PAKR. — F.1. L.7. D.351. — L.108–109.
11. PAKR. — F.1. L.7. D.351. — L.109–111.
12. PAKR. — F.1. L.7. D.351. — L.112–113.